

Штеба А.А., Никодимова А.Д.

**НЕДОСТАТОЧНЫЕ ЭМОЦИИ В ПАРАДИГМЕ
ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ[®]**

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, Волгоград, alexchteba@yandex.ru, baas-tet@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается один из частных аспектов языковой категоризации эмоций – вербализация «нестандартных» эмоциональных переживаний. Предметом исследования выступают диминутивные формы полных номинаций эмоциональных переживаний. Прибавление к «именам» эмоций уменьшительно-ласкательных суффиксов оказывает существенное воздействие на функционально-семантическую составляющую «эмоций одного мгновения». Появление таких эмоций и частотное использование обозначающих подобные эмоциональные переживания диминутивов анализируется в социально-культурном контексте. Отмечается, что для эффективного функционирования эмоций подобного типа необходимо использование дополнительных средств «оживления» их формы. Ключевой характеристикой микроэмоций является их недостаточность для реализации коммуникативной цели в виде экспликации эмоций.

Ключевые слова: микроэмоции; смешанные эмоции; эмотивность; диминутивность, языковая категоризация эмоций.

Поступила: 30.01.2023

Принята к печати: 17.07.2023

**Shteba A.A., Nikodimova A.D.
Insufficient emotions in the paradigm
of linguistic categorization of emotions[©]**

*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Russia, Volgograd, alexchteba@yandex.ru, baas-tet@mail.ru*

Abstract. The paper considers a particular aspect of linguistic categorization of emotions – verbalization of “non-standard” emotional experiences. The research subject is microemotions, which are embedded in diminutive forms of full nominations of emotional experiences. By adding diminutive suffixes to the “names” of emotions we affect the functional and semantic component of the “emotions of this instance”. The use of such diminutive forms is analyzed in a socio-cultural context, with a particular focus on the “mimic” language that has gone beyond child-centered communication. It is noted that for effective use of these emotions we have to employ additional means of “reviving” their form. The key characteristic of microemotions is their insufficiency for the realization of a communicative goal in the form of explication of emotions.

Keywords microemotions; mixed emotions; emotivity; diminutivity; language categorization of emotions.

Received: 30.01.2023

Accepted: 17.07.2023

Введение

Изучение особенностей языковой категоризации эмоций предполагает путь от целого к составляющим его частям: положение о том, что любое слово может быть эмотивом, приводит к необходимости выделения облигаторных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ в семантической структуре лексической единицы; множество эмоциональных переживаний может быть сведено к группе базовых эмоций, которые, комбинируясь, образуют безграничную палитру эмоциональных состояний; внутри классической для эмотивной лингвистики трехчастной классификации эмотивов на средства языковой номинации, дескрипции и экспликации эмоций появляются смешанные эмотивы, когда обозначение эмоциональной доминанты становится недостаточным для говорящего при описании своих переживаний. Подобное направление соответствует общей тенденции естественных и гуманитарных наук изучать

малые объекты, которые сужают объем понятий и позволяют приходить к более точным выводам.

М.Н. Эпштейн вводит понятие микроники художественной культуры [Эпштейн, 2022, с. 315], к которой следует относить не только исследование малых жанров, однословия, но и частные языковые процессы уменьшения номинируемых объектов и функциональный потенциал такого уменьшения. Диминутив – измененная форма слова, которая оценивает объект как маленький, меньший, небольшой, обладает положительной либо отрицательной субъективной оценкой и экспрессией [там же, с. 316]. Диминутивы от номинаций эмоций (микроэмоции по М.Н. Эпштейну), с одной стороны, подтверждают положение о том, что уменьшательные суффиксы – прерогатива чего-то преимущественно отрицательного (ср.: если не полное отсутствие диминутивных форм положительных эмоций, то явное превалирование отрицательных микроэмоций), а с другой – демонстрируют внутреннюю попытку понизить «отрицательность» эмоции, деинтенсифицировать эмоциональное переживание (эмоция остается отрицательной, но ее интенсивность или эмоциональная валентность понижается).

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что в условном пространстве языковой категоризации эмоций проблема объективации неопределенных эмоциональных переживаний не становилась предметом самостоятельного изучения. К данному гиперониму (неопределенная эмотивность) следует относить средства языкового выражения смешанных эмоций, которые представляют собой объединение в единое целое двух и более амби-, моно-, поливалентных эмоций, средства экспликации разного рода сложных, странных эмоций, лингвокультурные эмоции, языковую экспликацию недостаточных эмоций. Цель данной статьи заключается в описании функционально-семантического аспекта языковых средств выражения недостаточных эмоций в форме диминутивов, образованных от номинаций эмоциональных переживаний (например, *печалька*, *грустинка*). Выбор говорящим подобных способов экспликации эмоций является недостаточным (недостаточным как средство передачи эмоций).

Методика эмпирического исследования

Гипотеза исследования заключается в том, что при использовании говорящим диминутивов от номинаций эмоций для характеристики эмоционального переживания основная функция данных диминутивов – игровая. Эмоция, названная прямым словом (номинация эмоции), является осознанной, а не непосредственно переживаемой. Диминутивная форма эмотива интенциональна: это не вербальная реакция говорящего на стимул, каузирующий эмоциональный отклик, а намеренное речевое действие говорящего, которое не направлено собственно на выражение эмоций. Материалом исследования выступили примеры из Национального корпуса русского языка, а также примеры из медиадискурса, содержащие случаи использования диминутивов от номинаций эмоций. Для достижения поставленной цели применялись традиционные специальные методы лингвистического анализа (компонентный, дистрибутивный, контекстуальный анализ).

Структурно-семантический и функциональный аспект диминутивов

Инвариант значения диминутивов двойственен: указание на малость предмета и/или выражение эмоционального отношения автора к нему [Иванян, 2015, с. 34]. Диминутивы могут также осложняться дополнительной семой ослабления проявления качества или отрицательного характера оценочной стороны слова [там же, с. 46], уничтожительности [там же, с. 174]. Основное семантическое значение диминутивов заключается в выражении понятия «малость» и его отдельных признаков: количества, качества, размера [Шедогубова, 2003, с. 98].

Часто при формировании оценочного суждения человек опирается на внешние свойства объекта, его размер, который становится показателем эстетических предпочтений: больше – значит лучше, когда диминутив по умолчанию рассматривается как нечто менее значимое, скорее, отрицательное. Для подтверждения данного тезиса можно сослаться на серию экспериментов, один из которых заключался в попытке определить эмоциональное состояние людей, которые получали подарки. Особенность эксперимента

состояла в том, что двум группам испытуемых была подарена карточка с текстом: «Монетка (*złotówczka* – мелкая монета) / Монетка (*złotówka* – обычная монета) для тебя»; первая группа испытуемых (те, кто получил монетку) определила свое эмоциональное состояние как менее радостное по сравнению со второй группой (которым досталась монета) [Parzuchowski, Bocian, Gygax, 2016].

Большинство русских диминутивных суффиксов оканчивается на *-к*, которое попадает в позицию перед вокалическими падежными окончаниями. В русском языке возможно образование двойных и тройных диминутивов (*книжоночка*, *камушечек*). Как отмечает М.Д. Войкова, первый диминутив приобретает специальное лексическое значение и перестает ассоциироваться с представлениями о малом размере [Войкова, 2011, с. 38]. На эмоционально-оценочную энтиосемию диминутивов указывает Ю.В. Слабко, которая на примере суффиксов *-онк*, *-ёнк* показала, что данные морфемы могут использоваться для выражения как уменьшительно-ласкательного, так и уменьшительно-уничижительного оттенков [Слабко, 2015, с. 337]. Диминутивам свойственна эмотивная поливалентность. С одной стороны, уровень речевой агрессии, речевой грубости в обществе растет [Пинкер, 2021], что становится одной из причин отрицательной оценки использования индивидом в речи диминутивов, т.е. диминутив может индуцировать отрицательную эмоциональную реакцию. При этом диминутивы потенциально способны понизить негативную тональность инвективной лексики (ср.: *дурак* и *дурячок*), что приводит, если не к позитивизации, то кнейтрализации эмоциональной направленности взаимодействия.

К функциям диминутивов относятся аккумуляция и трансляция эмоций [Голушин, 2008, с. 74]. Диминутивность полифункциональна, она используется для выражения уменьшительности, обозначения различных эмоций (ласкательность, сочувствие, симпатия, ирония, уничижительность), подчеркивания неполноты проявления признака, неточности его описания [Буряковская, 2010, с. 312].

Е.А. Земская не соглашается с мнением о том, что употребление диминутивов свойственно женской речи. Диминутивы могут выполнять различные функции, которые более или менее частотно реализуются в мужской или женской речи. Например, уменьшительность характерна для разговоров взрослых с детьми, а также для женщин. Использование диминутивов в качестве формул уго-

шения свойственно мужской и женской речи, тогда как диминутив в функции иронии и самоиронии характерен для женщин [Земская, 2014, с. 625–628]. В речи женщин диминутивы имеют эмотивно-прагматическое значение, а в речи мужчин – объективно-логическое значение величины и размера [Звонарева, 2012, с. 513].

Диминутивные слова принято использовать в сфере общения с детьми, что перешло в пространство разговора о детях (детоцентрическая коммуникация по Н.В. Меньковой) в форме «мамкиного» языка (*какашули, годовасик* и пр.), когда в условиях современного социума отказ от использования умилительно-ласкательной тональности в разговорах на данную тематику оценивается как отклонение от нормы [Менькова, 2018, с. 128].

Диминутивы обозначают границы между группами своих (известных, знакомых, близких) и чужих (враждебных, неизвестных, незнакомых) [Протасова, 2001, с. 240]. Среди диминутивов выделяют экспрессивные, которые выражают не уменьшительность, а субъективное отношение говорящего к объекту или служат цели установления отношений между собеседниками. Отмечается, что тенденция вытеснения нейтральных существительных экспрессивными диминутивами является устойчивой исторически сложившейся тенденцией русского языка [Фуфаева, 2021, с. 35]. Ласкательность рассматривается как база для выражения различных (в том числе противоположно оценочных) отношений, например, унижительность с речевой «позой преуменьшения», пренебрежительность с уменьшением значимости противника [там же, с. 16]. Диминутивность рассматривается и как языковой барьер в конфликтных ситуациях, и как актуализация смягчающего значения диминутивов, в которых обладает конструктивным регулятивным потенциалом применительно к участникам взаимодействия [Калашникова, 2017, с. 103].

Особенности коммуникативного функционирования недостаточных эмоций

К диминутивам, обозначающим недостаточные эмоции как «эмоции одного мгновения», следует отнести, например, *грустинку, смешинку, печальку*. В интервью журналисту на вопрос о судьбе «мимимишной» лексики В. Ефремов подчеркнул, что этот язык,

как и язык «падонков», является однодневным, функционирование подобных лексем ограничено конкретным временным срезом [печалька, вкусняшка]. Функциональная недостаточность подобных номинаций для обозначения эмоциональных переживаний приводит к необходимости формального усиления их экспрессии, полноты. Зачастую это происходит через конкретизацию качественным прилагательным или наречием:

*Но мы будем стараться, чтобы весь мир нас услышал. А если не получится – большой печальки не будет, но огорчение придется!*¹

Дибров – это вообще печалька, какая-то зануда! Верните душечку Васильева, ну или Цискаридзе².

*– Вообще печалька, я сама в шоке, – вздыхает Ольга. – После чемпионата России мы начали задумываться о том, не стоит ли попробовать себя в командной гонке?*³

К частным приемам повышения интенсивности недостаточных эмоций, нашедшим свою реализацию в речи, можно отнести:

а) появление слов-композитов, включающих недостаточное эмоциональное переживание и полную форму номинации другой эмоции: *Грусть-печалька… вот делала, что хотела и как хотела. Обязанности кое-какие выполняла, но они были не в тягость и друг появился* (Радуга М. Тёмный ангел);

б) формальное увеличение слова через многократное написание повторяющейся буквы: *Печалька. Мне очень нравится один мальчик. Точнее, я в него влюблена. Говорю сразу -: я довольно часто к нему заходила на страницу в Вконтакте*⁴;

в) нарушение норм орфографии: *Котик, где пичалька? – Тутъ;*

г) словостяжание через написание в одно слово полных форм двух номинаций эмоции, что сопровождается многократным повтором финальной гласной: *печальбедааа*;

¹ <https://serp.mk.ru/culture/2020/05/15/muzykanty-iz-serpukhova-i-protvino-dayut-ustanovku-na-pozitiv.html>

² https://aif.ru/culture/showbiz/vernite_dushechku_vasileva_zriteli_o_dibrove_v_modnom_prigovore

³ <https://www.kp.ru/daily/26189.5/3077422/>

⁴ <https://otvet.mail.ru/question/86998195>

д) тавтология через использование атрибута в форме качественного прилагательного, образованного от номинации эмоции: **Печальная печалька**;

е) написание слова в форме множественного числа: **Печальки**. *Даже если у нее всё хорошо, она обязательно придумает себе печальку!; Отбрось все печальки.*

Выделенные приемы увеличения интенсивности эмоциональных переживаний реактивны на субъективно оцениваемую говорящими недостаточность микрэмоций для выражения эмоционального состояния. Популяризация такого диминутива, обозначающего эмоциональное переживание, как печалька, приводит к появлению аналогичных лексических образований (дериваций креативных пазлов по В.И. [Шаховскому, 2022]) согласно продуктивной модели (ниже приводятся примеры популярных мемов):

*Печалька? Ну и что! Не смертелька же
Ревновашки - всегда печалька (Сократик)
Печалька. Тоска. Грусть. Обидка.
У кого-то печалька а у меня пофигулька
Страдашики всегда печалька
Блокнытик. Жесть. Тоска. Печалька.*

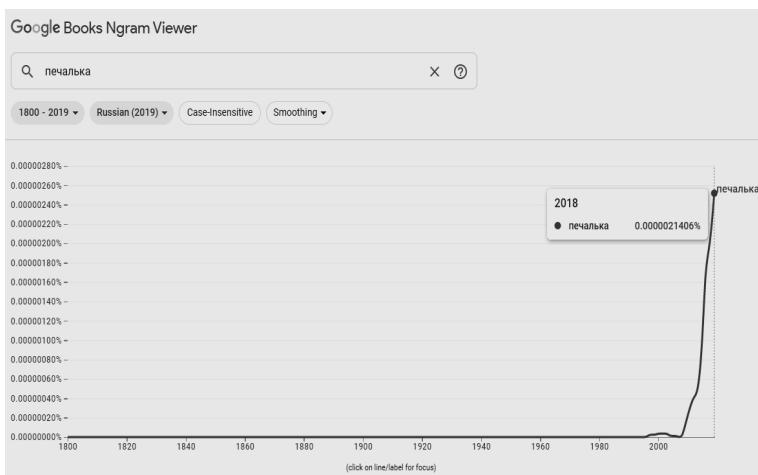

Рис. 1

Поиск на базе сервиса Google Books Ngram Viewer, который позволяет построить графики частотности использования языковых единиц в художественной литературе, показал, что первое упоминание слова «печалька» датируется примерно началом 2000-х годов и пик употребления отмечается в 2018 г. (рис. 1). Сопоставительный анализ частотности употребления слов «печалька» и «пичалька» показал значительно большую встречаемость словоформы «печалька» по сравнению с «пичалька», пик использования которого пришелся на 2017–2018 гг. (рис. 2).

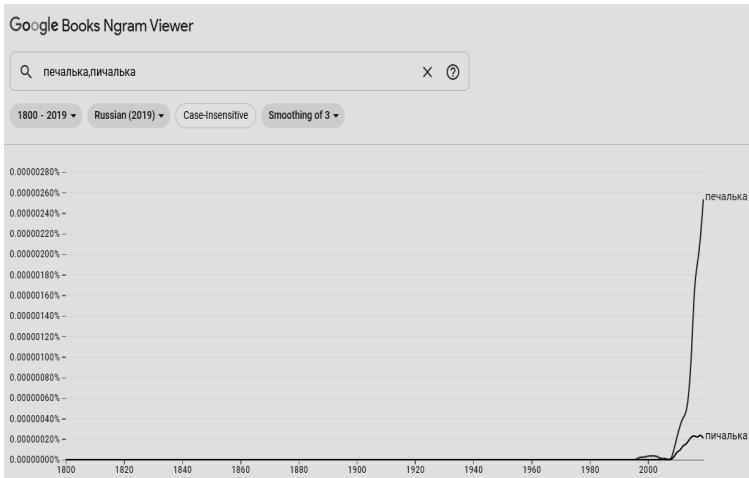

Рис. 2

При этом слово «грустинка» имеет гораздо более диахронически протяженную историю использования в русском языке. Первое упоминание в художественной литературе приходится на 1960-е годы, а затем рекуррентность использования снижается, но слово остается в обиходе (рис. 3): *низким густым голосом* сказала Грустинка, не узнавая Ивана (Г. Шторм. Дети добной надежды: исторические повести и рассказы, 1960). Популярность слова «печалька» ниже частотности использования слова «грустинка», что подтверждает сопоставительный график встречаемости данных лексических единиц (рис. 4).

Недостаточные эмоции в парадигме языковой категоризации эмоций

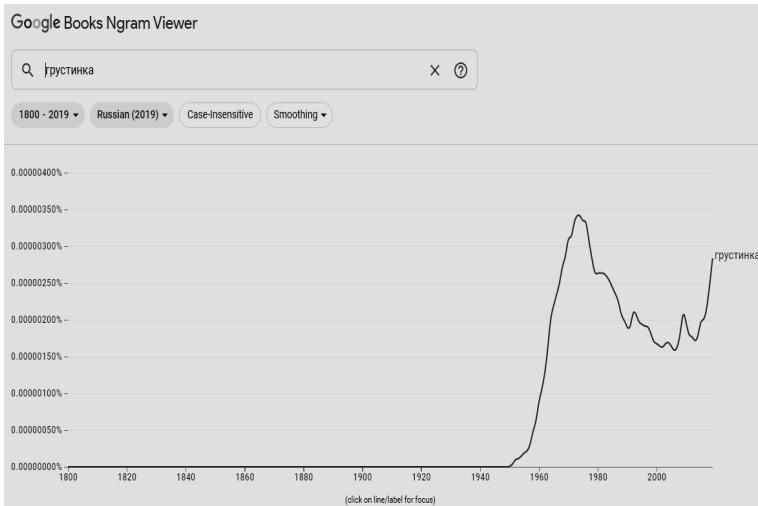

Рис. 3

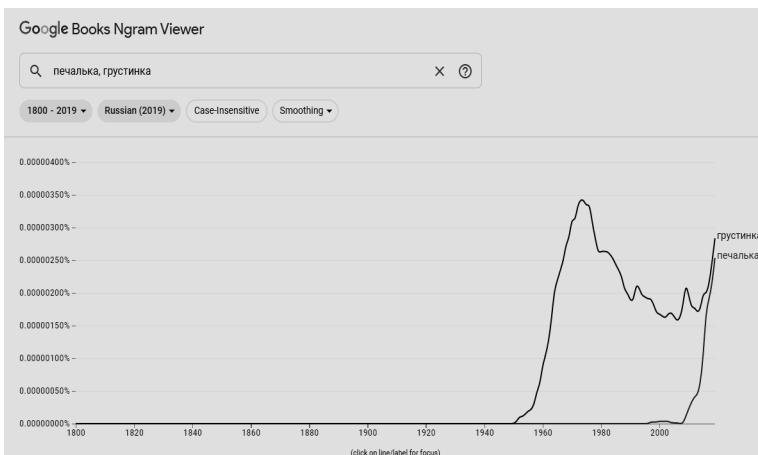

Рис. 4

Анализ примеров использования слова «печалька» в медиадискурсе показал, что актуализация в речи данной лексической единицы индуцируется контекстом:

«Прикиньте, в аэропорту Стамбула LV не продают вещи русским и тем, кто летит в Россию. Печалька и точка», – поделилась певица¹.

«Не могу зайти в игру, рвется соединение»; «Печалька, пошла смотреть сериальчик, потом еще попробую загрузнуть», – пишут пользователи игры *Guild Wars 2*².

«Блокируют контактик на Wi-Fi – ну, печалька, что ж, – улыбается столичная 8-классница Александра Ш. – Но я просто отключу его и посмотрю все, что нужно, по 3G»³.

Кстати, печальку часто испытывают ванильки – так в Сети называют романтичных девушек, которые любят пить кофе и носить одежду мягких ванильных цветов. Из их лексики также пришли мимими и няша, ставшие очень популярными⁴.

Ты – это твои друзья», – резонно напоминает приложение напоследок. Забыв, однако, открыть имя того самого – тайного парня, который лайкает меня чаще других. Пичалька, как говорится⁵.

Стилистически сниженная (разговорная) лексика (например, прикиньте, загрузнуть, контактик, лайкать и пр.) влечет за собой естественное появление в тексте не конвенциональной номинации эмоционального переживания, а микроэмоции. Микроэмоциональным переживаниям не свойственна формальная или содержательная сложность, что облигаторно, например, для смешанных или сложных эмоций (ср.): *Однако и теперь, едва оправившись, едва голову подняв, я не смог подавить в себе новый приступ и опять дал волю своему бурному негодованию, я сетовал, я кричал, силясь излить все свои страдания, поведать, как он меня изводит, то своей приязнью, то холодностью, то приветливостью, то су-*

¹ <https://www.mk.ru/social/2022/07/27/klave-koke-ne-prodali-chemodan-louis-vuitton-v-turcii.html>

² <https://www.mk.ru/politics/2018/04/17/kak-pavel-durov-zashhishhaet-telegram-ot-blokirovki.html>

³ <https://ria.ru/20170613/1496394977.html>

⁴ <https://aif.ru/society/web/1402226>

⁵ <https://www.kp.ru/daily/26368.3/3248031/>

ровостью без всякой причины, – он просто мучитель, а я привязан к нему всем сердцем, я и люблю его, и ненавижу, и даже в ненависти всё равно люблю (Цвейг С. Смятение чувств). В данном примере реализуется комплекс приемов языковой экспликации неопределенного эмоционального переживания в форме амбивалентной смешанной эмоции, доминантой которого выступает ‘любовь’ (*«и даже в ненависти всё равно люблю»*), одновременно сопровождающаяся как положительно-, так и отрицательно-оценочными эмоциями. Следствием неопределенного (смешанного, сложного) характера эмоционального переживания героя становится развернутое описательное выражение эмоций.

Недостаточные эмоции появляются там, где возможно неэмоциональное реагирование, причина экспликации микроэмоций – условная договоренность; недостаточные эмоции суть вынужденные, но их продуцирует не столько языковой, сколько социальный контекст, социальная среда, которая навязывает определенные модели поведения, где реагирование человека гиперэмоционально, значит, деэмоционально, симулятивно. Такой эмотивный комплекс, под которым понимаются коммуникативные единицы, включающие не однопорядковые средства реализации коммуникативной цели, становится несогласованным (см. [Мркаич, 2017]).

Микроэмоции не равно простые эмоции, поскольку последнее предполагают связь с базовыми, а являются собой упрощенные (зачастую избыточные) способы внешнего поверхностного псевдоэмоционального реагирования. Микроэмоции актуализируются говорящим интенциально с целью создания комического эффекта через их совмещение с обсуждением серьезной, как правило острой, социально-экономической проблемы:

*С печалькой отмечаем, что если данная информация стала доступна нам, то с большей степенью вероятности она могла быть доступна и спецслужбам ряда заинтересованных стран*¹.

*Именно поэтому «печалька» г-на Мединского по поводу темы Ленина тянет за собой ненужные вопросы – это что, отвлекающий маневр?*².

¹ <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/02/02/675895-delо-shaltaya-boltaya-surkovovim-shoigu>

² <https://aif.ru/politics/world/22972>

С садиками в стране напряженка, свободных помещений меньше, чем нарождающихся мальчишек и девчонок, плюс у регионов не хватает средств на зарплату няничкам и покупку горшков... ПИЧАЛЬКА, как говорят в интернете¹.

А это значит, что не будет новых домиков и машинок у тех, кто привык греть руки на государственных заказах. Печалька².

«Эмоции одного мгновения» оцениваются как нечто несерьезное, проходящее, факультативное:

Настроение сейчас – пичалька...

Пичалька. Каникулы кончились. Счас придется опять вставать в 7 утра.

День сегодняшний вверг меня в полную пичальку.

На моей куртке молния разошлась и это пичалька.

Жизнь моя сплошная пичалька.

Такие «недостаточные» эмоциональные переживания индуцированы «недостаточным» стимулом. На недостаточность микроэмоций указывает и отсутствие у них антонимических пар, когда для поиска контрапротивного понятия диминутивность микроэмоции нейтрализуется: *Люди перестают считывать нюансы, понимают только печальку и радость. Произошло упрощение восприятия³.*

Выводы

Настоящая статья посвящена такому аспекту неопределенной эмотивности, как недостаточные эмоции, или «эмоции одного мгновения». Проблема языковой категоризации неопределенных эмоций привлекает внимание исследователей: например, описываются индивидуальные эмоции в форме особенностей вербализации эмоциональных концептов в художественных произведениях разных авторов (см. [Красавский, 2017, 2020]), анализируются сложные эмоции, которые предполагают смешение [Вахрушева, Ионова, 2021], когда смешанные эмоции суть синхронная актуали-

¹ <https://www.kp.ru/daily/26369.5/3250640/>

² <https://radiosputnik.ria.ru/20190609/1555364869.html>

³ <https://www.mk.ru/culture/2021/09/29/aktrisa-polina-agureeva-na-dva-godashila-starshego-syna-interneta.html>

зация двух и более моно-, поли-, амбиоценочных эмоциональные переживаний.

В ходе проведенного эмпирического исследования было выявлено, что использование в речи диминутивов, образованных от номинаций эмоциональных переживаний, является избыточным, такой способ экспликации эмоций поверхностен, строго ситуатив и служит признаком деэмоционализации речи: говорящий вынужден отвечать вызовам и тенденциям общества, в котором наблюдается переизбыток эмоциогенов, что вынуждает строить взаимодействие через облигаторную гиперэмоциональную оценку окружающих человека событий.

Список литературы

- Буряковская А.А.* Диминутивность в различных стилистико-функциональных типах дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. –2010. – № 1. – С. 310–316.
- Вахрушева М.А., Ионова С.В.* Эмоциональная коммуникация на русском языке. – Москва : Мир науки, 2021. – URL: <https://izd-mn.com/PDF/49MNNPU21.pdf>
- Воейкова М.Д.* Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. – Москва : Знак, 2011. – 328 с.
- Голушин И.* Диминутив как носитель эмотивного значения: проблема перевода // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2008. – № 2(83). – С. 70–76.
- Елисеева М.Б.* Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.
- Звонарева Ю.Н.* Прагматические аспекты употребления диминутивов в английском языке // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 513–516.
- Земская Е.А.* Язык как деятельность. – 2-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 896 с.
- Иванян Е.П.* Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. – 2-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2015. – 328 с.
- Красавский Н.А.* Ключевые концепты «страха» и «вины» в романе Германа Гессе «Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 8. – С. 134–139.
- Красавский Н.А.* Эмоциональная концептосфера романа Германа Гессе «Под колесами» // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2020. – С. 24–29.

- Менькова Н.В. Диминутивы как речевая неудача // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4. – С. 127–136.
- Мркаич М.Б. Выражение эмоций в жанре ток-шоу (на материале программы «Пусть говорят» // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2017. – № 1. – С. 54–57.
- Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше / пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. – 952 с.
- Пичалька, вкусняшка, овульяшка: почему россиянам так нравится мимимишная лексика. – URL: <https://mr-7.ru/articles/2013/07/24/pichalka-vkusniashka-ovuliashka-pochemu-rossiianam-tak-nravitsia-mimimishnaia-leksika>
- Протасова Ю.А. Овладение категорией «свое – чужое» в детской речи // Теоретические проблемы функциональной грамматики / отв. ред. А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – С. 232–246.
- Слабко Ю.В. Выделение компонентов «ласкательный» и «уничижительный» в диминутивах русского и английского языков // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 336–337.
- Фуракова И.В. Диминутивы как средство вежливости в русском языке // Русский язык за рубежом. – 2021. – № 2. – С. 32–39.
- Шаховский В.И. Стили эмоций в экологических коммуникативных сферах: пандемия // Лингвистика и образование. – 2022. – № 1(5). – С. 35–47.
- Шедогубова С.В. Субстантивные диминутивные дериваты как средство выражения эмоциональности в немецком языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сб. науч. тр. – Владикавказ, 2003. – Вып. 4. – С. 97–101.
- Энштейн М.Н. Первопонятия: ключи к культурному коду. – Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. – 720 с.
- Parzuchowski M., Bocian K., Gygax P. Sizing up objects: the effect of diminutive forms on positive mood, value, and size judgments // Frontiers in Psychology. – 2016. – N 7. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01452

References

- Burjakovskaja, A.A. (2010). Diminutivnost' v razlichnyh stilistichesko-funktional'nyh tipah diskursa (Diminutivity in various stylistic and functional types of discourse). *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1, 310–316.
- Vahrusheva, M.A., Ionova, S.V. (2021). *Jemotsional'naja kommunikatsiya na russkom jazyke* (Emotional communication in Russian). Moscow: Mir nauki. Retrieved from: <https://izd-mn.com/PDF/49MNNPU21.pdf>
- Voejkova, M.D. (2011). *Rannie jetapy usvoenija det'mi imennoj morfologii russkogo jazyka* (Early stages of children's assimilation of the nominal morphology of the Russian language). Moscow: Znak.
- Golushin, I. (2008). Diminutiv kak nositel' jemotivnogo znachenija: problema perevoda (Diminutive as a carrier of emotive meaning: the problem of translation). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(83), 70–76.

- Eliseeva, M.B. (2015). *Stanovlenie individual'noj jazykovoj sistemy rebenka: rannie jetapy* (Formation of the child's individual language system: early stages). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Zvonareva, Ju.N. (2012). Pragmatische aspekty upotrebleniya diminutivov v angliyskom jazyke (Pragmatic aspects of the use of diminutives in English). *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 3, 513–516.
- Zemskaja, E.A. (2014). *Yazyk kak deyatel'nost'* (Language as an activity). 2nd ed. Moscow: FLINTA.
- Ivanjan, E.P. (2015). *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom jazyke* (The semantics of default and the means of its expression in the Russian language). 2nd ed. Moscow: FLINTA.
- Krasavskij, N.A. (2017). Kljuchevye koncepty "strah" i "vina" v romane Germana Gesse "Demian. Istoryia yunosti, napisannaya Jemilem Sinklerom" (The key concepts of "fear" and "guilt" in Hermann Hesse's novel "Demian. The Story of youth, written by Emil Sinclair"). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8, 134–139.
- Krasavskij, N.A. (2020). Jemocional'naja kontseptosfera romana Germana Gesse "Pod kolesami" (The emotional conceptual sphere of Hermann Hesse's novel "Under the Wheels"). In: *Yazyk i kul'tura v jepohu integratsii nauchnogo znanija i professionalizatsii obrazovaniya* (pp. 24–29). Pyatigorsk: Pyatigorskij gosudarstvennyj universitet.
- Men'kova, N.V. (2018). Diminutivy kak rechevaya neudacha (Diminutives as a speech failure). *Verhnevolzhskij filologicheskiy vestnik*, 4, 127–136.
- Mrkaich, M.B. (2017). Vyrazhenie jemocij v zhanre tok-shou (na materiale programmy "Pust' govoryat" (Expression of emotions in the genre of a talk show (based on the material of the program "Let them talk"). *Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij jazyk za rubezhom*, 1, 54–57.
- Pinker, S. (2021). Luchshee v nas: pochemu nasiliya v mire stalo men'she (The better angels of our nature). Moscow: Alpina non-fikshn.
- Pichal'ka, vkusnyashka, ovulyashka: pochemu rossiyaniem tak nraivitsya mimimishnaya leksika*. Retrieved from: <https://mr-7.ru/articles/2013/07/24/pichalka-vkusniashka-ovuliashka-pochemu-rossiyanam-tak-nraivitsia-mimimishnaia-leksika>
- Protasova, Yu.A. (2001). Ovladenie kategoriej "svoe – chuzhoe" v detskoj rechi (Mastering the category of "one's own-someone else's" in children's speech). In: *Teoreticheskie problemy funkcional'noj grammatiki* (pp. 232–246). Saint-Petersburg: Nauka.
- Slabko, Ju.V. (2015). Vydenenie komponentov "laskatel'nyj" i "unichizhitel'nyj" v diminutivah russkogo i anglijskogo jazykov (The selection of the components "affectionate" and "pejorative" in the diminutives of the Russian and English languages). *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovanija*, 2, 336–337.
- Fufaeva, I.V. (2021). Diminutivy kak sredstvo vezhlivosti v russkom jazyke (Diminutives as a means of politeness in the Russian language). *Russkij jazyk za rubezhom*, 2, 32–39.

- Shahovskij, V.I. (2022). Stili jemocij v jekologicheskikh kommunikativnyh sferah: pandemiya (Styles of emotions in environmental communication spheres: a pandemic). *Lingvistika i obrazovanie*, 1(5), 35–47.
- Shedogubova, S.V. (2003). Substantivnye diminutivnye derivaty kak sredstvo vyrazheniya jemocional'nosti v nemetskom yazyke (Substantive diminutive derivatives as a means of expressing emotionality in German). In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*: Vyp. 4 (pp. 97–101). Vladikavkaz.
- Jepshtejn, M.N. (2022). *Pervoponyatiya: klyuchi k kul'turnomu kodu* (First concepts: keys to the cultural code). Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Parzuchowski, M., Bocian, K., Gygax, P. (2016). Sizing up objects: the effect of diminutive forms on positive mood, value, and size judgments. *Frontiers in Psychology*, 7. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01452

Сведения об авторах:

Штеба Алексей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Никодимова Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

About the authors:

Shteba Alexey Andreevich – PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

Nikodimova Anna Dmitrievna – PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University.